

Е.Г. Неклюдов*

КУПЕЧЕСКИЕ РОДЫ В СОСТАВЕ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДЧИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВЛАДЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЯdoi:10.31518/2618-9100-2023-5-2
УДК 323.328(470.5)"180/185"*Выходные данные для цитирования:**Неклюдов Е.Г. Купеческие роды в составе уральских заводчиков первой половины XIX века: особенности владения и управления // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 37–55. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-02.pdf>*

E.G. Neklyudov*

MERCHANT FAMILIES AS PART OF THE URAL FACTORY OWNERS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: FEATURES OF OWNERSHIP AND MANAGEMENT

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-2

*How to cite:**Neklyudov E.G. Merchant Families as Part of the Ural Factory Owners in the First Half of the 19th Century: Features of Ownership and Management // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 37–55.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-02.pdf>]*

Abstract. Based on the reconstruction of the “ownership histories” of the merchant families of the Gubins, Rastorguevs, Yartsovs, Zelentsovs and Podyachevs, the peculiarities of their ownership and management of mining factories in the Urals in the first half of the 19th century are revealed. These examples are quite representative, since they demonstrate most of the merchant families that remained among Ural factory owners throughout this period. They show that all the merchants were newcomers to the mining business and, when buying factories, they counted on their well-established work, high profits, as well as on income from their other enterprises, which, if necessary, could help “unwind” a new type of business. However, not everyone managed to cope with their duties, and in the perspective of two or three generations, only two families (Rastorguevs and Yartsovs) kept the factories in their possession. At the same time, none of the presented clans escaped the forced intervention of the state in the affairs of private administration in the form of state supervision, guardianship or state administration; there were four cases of appointing factories for sale at public auctions. The reasons for this were the accumulation of state and private debts caused by the difficulties of developing the mining business itself, which required large investments and depended on the dynamics of the metal market, or failures in other businesses that were engaged by merchants. A significant role was played by subjective factors related to the history of the clans of merchant-mining workers themselves. These include: the extravagance of individual owners; conflicts between co-owners, which led to a decrease in the quality of management; the departure of heirs from management responsibilities, and sometimes even ownership of factories under the influence of the process of nobilitation, which covered all these genera. Not a single clan escaped problems in relations with the serf workers who found themselves in their possession, which led to an aggravation of social confrontation at the factories, which also caused state intervention (in two cases this was even accompanied by the exile of the owners). In general, we can conclude that the majority of merchant practices of ownership and management were unfavorable. Mining entrepreneurship of merchants in the Urals in the first half of the 19th century, was distinguished by greater dynamism and greater instability compared with the nobility, which often led to its decline and even collapse.

Keywords: Imperial Russia, Urals, first half of the 19th century, entrepreneurship, industry, factory owners, merchant families, Gubins, Rastorguevs, Yartsovs, Zelentsovs, Podyachevs.

* **Евгений Георгиевич Неклюдов**, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: ntplant9@mail.ru
Evgeny Georgievich Neklyudov, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: ntplant9@mail.ru

The article has been received by the editor on 12.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На основе реконструкции «владельческих историй» купеческих родов Губиных, Расторгуевых, Ярцовых, Зеленцовых и Подъячевых выявляются особенности владения и управления ими горными заводами на Урале в первой половине XIX в. Эти примеры являются вполне репрезентативными, поскольку представляют большую часть купеческих родов, остававшихся в составе уральских заводчиков на протяжении всего этого периода. Они показывают, что все купцы были новичками в горнозаводском деле и, покупая заводы, рассчитывали на их налаженную работу, высокие прибыли, а также на доходы от других своих предприятий, которые в случае необходимости могли поддержать новый вид бизнеса. Однако справиться со своими обязанностями удалось далеко не всем, и в перспективе двух-трех поколений только два рода (Расторгуевы и Ярцовы) сохранили заводы в своем владении. При этом ни один из представленных родов не избежал вынужденного вмешательства государства в дела частного управления в форме казенного надзора, опекунского или казенного управления; зафиксировано также четыре случая назначения заводов к продаже на публичных торгах. Причиной этого было накопление казенных и частных долгов, вызванных сложностями развития самого горнозаводского бизнеса, который требовал крупных инвестиций и зависел от динамики рынка металлов, или провалами в других бизнесах, которыми занимались купцы. Значительную роль играли субъективные факторы, связанные с историей самих родов купцов-горнозаводчиков. К ним можно отнести: расточительность отдельных владельцев; конфликты между совладельцами, которые приводили к понижению качества управления; отход наследников от ответственного управления, а порой и владения заводами под влиянием процесса нобилизации, охватившего все эти роды. Ни один род не избежал и проблем в отношениях с оказавшимися в их владении крепостными рабочими, что приводило к обострению социальной конфронтации на заводах, тоже вызывавшей вмешательство государства (в двух случаях это сопровождалось даже ссылкой владельцев). В целом можно сделать вывод о неблагоприятном характере большинства купеческих практик владения и управления. Горнозаводское предпринимательство купцов на Урале в первой половине XIX в. по сравнению с дворянским отличалось большим динамизмом и большей же нестабильностью, что нередко приводило к его упадку и даже краху.

Ключевые слова: Российская империя, Урал, первая половина XIX в., предпринимательство, промышленность, горнозаводчики, купеческие роды, Губины, Расторгуевы, Ярцовы, Зеленцовы, Подъячевы.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023 г.

Уральские заводчики – владельцы крупных промышленных имений, получивших закрепившееся в историографии название горнозаводских округов, составляли одну из самых престижных и значимых региональных и отраслевых групп предпринимательства Российской империи¹. Они появились вместе со строительством металлургических заводов на Урале в начале XVIII в. и завершили свой исторический путь после их национализации в 1917–1918 гг. На протяжении этого длительного времени менялся состав и облик заводо-владельцев в соответствии с периодами формирования и развития окружной организации уральской горнозаводской промышленности². Для периода, ограниченного рубежом XVIII и XIX вв. и началом 1860-х гг., было характерно развитие отрасли в рамках уже

¹ Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики. Екатеринбург, 2013.

сложившихся округов – масштабных территориально-хозяйственных комплексов с протоиндустриальной (мануфактурной) производственной и крепостнической социальной организацией. Происхождение заводовладельцев отличалось значительным разнообразием³, но по жалованным грамотам дворянству и городам 1785 г. их состав был ограничен представителями всего двух сословий – дворянства и купечества 1-й и 2-й гильдий⁴.

Еще в XVIII в. определилась основная тенденция в сословном составе заводчиков, связанная с ростом доли дворянства. Происходило это не столько за счет подключения к высокодоходному горнозаводскому предпринимательству на Урале дворянских родов (в частности Строгановых, Голицыных, Шаховских, Всеволожских, Лазаревых, Шуваловых, Воронцовых и др.), сколько посредством разных форм нобилитации представителей других страт. Так, тульские оружейники Демидовы получили дворянский диплом в 1726 г., сыновья осташковского крестьянина, ставшего коллежским ассессором, С.Я. Яковлева, были возведены в дворянство в 1796 и 1799 гг., соликамский купец А.Ф. Турчанинов – в 1783 г.⁵ Ту же социальную эволюцию к началу XIX в. прошли тульские оружейники Мосоловы, выходцы из монастырских крестьян Осокины, тульские купцы Лугинины, верхотурские – Походяшины, устюжские – Курочкины, симбирские – Глазовы и Мясниковы, гороховские – Ширяевы и московские – Гусятниковы. Лишь немногие купеческие роды, владевшие небольшими предприятиями с ограниченными ресурсами, не сумели повысить свой сословный статус (петербургские купцы Грибановы, устюжские – Вяземские, казанские – Ляпины, Иноземцевы и Кобелевы, кунгурские – Шавкуновы, тульские – Красильниковы, симбирские – Маленковы) и во второй половине XVIII в. или в начале XIX в. выбыли из состава уральских заводчиков.

В то же время на рубеже веков и в первой половине XIX в. группу дополнили роды московских купцов Губиных и Ярцовых, вольских – Расторгуевых, верхотурских – Зеленцовых, ярославских – Пастуховых, уфимских – Подъячевых, казанских – Коровиных и мензелинских – Рукавишниковых. Немного владели уральскими заводами московские купцы А.А. Кнауф (в 1804–1818 гг.) и Н.Ф. Старков (1815–1817 гг.), петербургские – Ф.П. Никифоров (1860–1869 гг.) и М.Ф. Гротен (1855–1860 гг.), тульский – А.И. Маликов (1842–1858 гг.) и стерлитамакский – А.В. Татаринов (1860–1862 гг.), не передававшие их по наследству. Эти данные свидетельствуют о повышенной активности купцов по сравнению с дворянами, которые были представлены всего тремя новыми родами (Бенардаки, Пономаревы, Шелашниковы) и двумя фамилиями (Рошефор, Тимашев).

По нашим подсчетам, если в 1800 г. владельцами уральских заводов числились 60 чел., из которых 64 % составляли дворяне, 28 % – купцы и 8 % – мещане, то к 1861 г. из 83 заводчиков было уже 87 % дворян и только 13 % купцов. На всем же протяжении этого 60-летнего периода из 324 чел., вступавших во владение, было 49 купцов (в том числе именитые и почетные граждане, которые все были и купцами 1-й гильдии), или 15 %. Они принадлежали к 15 родам (включали хотя бы два поколения владельцев) и шести фамилиям. Из них только семь родов сохранили свои владения, остальные утратили их по разным причинам⁶. Обратимся к владельческой истории некоторых из этих купеческих родов⁷, акцентируя внимание на ее особенностях и результатах.

² Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 86–95.

³ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводладельцы. М., 1962.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е изд. Т. 22. № 16187. § 28; 16188. § 105, 111. В 1823 г. вышел указ, подтвердивший не всегда выполнявшиеся условия жалованных грамот. Немногочисленных мещан и купцов 3-й гильдии, еще остававшихся владельцами металлургических предприятий, обязали либо немедленно вступить «узаконенным порядком» в высшие купеческие гильдии, либо «в полугодичный срок» продать свои заводы «имеющим право владеть оными» (ПСЗ. 1-е изд. Т. 38. № 29518).

⁵ Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 37–38, 43, 314, 347, 368.

⁶ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.

⁷ Представленные истории основываются на материалах нашей монографии (см. ссылку № 6). Истории родов Коровиных (с 1848 г.), Пастуховых (с 1848 г.) и Рукавишниковых (с 1859 г.), тоже начавшиеся в дореформенный период, либо еще не развернулись, либо недостаточно информативны.

Губины. Богатый московский купец и городской голова Михаил Павлович Губин в конце XVIII в. стал владельцем трех приобретенных на Урале имений Демидовых и Мосоловых. Возведя несколько новых предприятий, он сформировал два горнозаводских округа – Сергинско-Уфалейский, включавший восемь металлургических заводов, и Авзяно-Петровский, в составе которого было всего два предприятия (возвести здесь новый завод не удалось из-за земельных споров). Проблемы начались после его кончины в 1818 г. и перехода наследства в совместное владение двух сыновей. Именно с этого времени мастеровые начинают жаловаться «на недостаток плат, отягощение работами и другие притеснительные действия местного заводского начальства».

Инспектировавшие заводы горные чиновники обнаружили там «крайний недостаток в деньгах», отражавшийся на «продовольствии» многотысячного населения. Однако владельцы утверждали, что они заводы свои снабжают деньгами «в такой мере, в какой позволяют настоящие по торговле и заводам обстоятельства», а рабочие содержатся «на положении, сделанном еще покойным их отцом и коим мастеровые остаются довольны»⁸. Чиновники не удовлетворились этим объяснением и резонно заметили, что поскольку «металлы продаются ныне по гораздо повышенным ценам, нежели какие при составлении отцом их заводского положения существовали, должны они по всей справедливости уделить часть прибыли на безбедное прокормление тех, через кого прибыль сия ими приобретается»⁹.

Вместо этого в 1838 г. братья решились на раздел общего имения: из уральских владений Павлу Михайловичу достались Авзяно-Петровские заводы с 1604 ревизскими душами в Оренбургской губернии, а Константину Михайловичу – Сергинско-Уфалейские с 7387 ревизскими душами в Пермской губернии. С этого времени началось раздельное владение горнозаводскими округами двух ветвей рода Губиных.

Проблемы с кортомом (арендой. – Е. Н.) башкирских земель и лесов, необходимых для снабжения заводов древесным топливом, довели старшего брата в 1847 г. до необычного шага – предложения горным властям принять Авзяно-Петровские заводы в казенное управление¹⁰ и продать «не упуская времени с аукциона с выдачей ему вырученной суммы для уплаты долга башкирцам»¹¹. В ситуации, когда владелец и казна отказались от финансирования заводов, было принято решение передать их в опекуновское управление¹² с целью описи и продажи с публичных торгов. Но организованные в 1849 г. торги не состоялись из-за отсутствия желающих купить заводы без собственных лесов. В такой ситуации Губин стал просить министра финансов Ф.П. Вронченко «в ограждение от дальнейшего разорения принять его заводы в казенное ведомство по самой умеренной оценке». Министр отказал, но предписал отвести заводам земли и предложил владельцу вступить в управление своим имением. Губин ответил, что поскольку за время опекуновского управления он не получал «ни одной копейки доходу» с имения, то и не имеет средств на покупку земли и кортома леса. «По сим обстоятельствам, а более всего по преклонным моим годам и расстроенному здоровью... – сообщил владелец, – вступить вновь в управление моими заводами и принимать земли и леса... не могу»¹³. Вместо него опека приняла отвод казенных земель и даже сумела увеличить выделку железа до 100 тыс. пудов, что помогло продаже. В 1853 г. опекуном стал местный помещик Н.Е. Тимашев, который после нескольких лет управления,

⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 25. Д. 888. Л. 123–128.

⁹ Там же. Оп. 23. Д. 6127. Л. 685–688.

¹⁰ Казенное управление устанавливалось с санкции императора и было сопряжено с полным отстранением владельца от управления (но не владения) и получения доходов, назначением управляющего со стороны горных властей и предусматривало государственное финансирование предприятий до их продажи или возвращения владельцам (ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 11. № 9699).

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5016. Л. 12.

¹² Опекуновское управление устанавливалось местными дворянскими опеками или сиротскими судами, которые брали на себя управление имением за фиксированную долю прибыли и обязаны были сами изыскивать средства «на заводское действие». Владелец устранялся «от собирания и пользования доходами», которые поступали в распоряжение опекунов, и ему даже запрещался въезд в имение (ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 30. № 23662).

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5016. Л. 375–377.

в 1857 г., решился выкупить Авзяно-Петровские заводы всего за 185 тыс. руб., а через год удачно перепродал их Д.Е. Бенардаки на 90 тыс. руб. дороже.

Все эти годы отстранившийся от управления заводовладелец находил-таки средства на благотворительность ради достижения заветной цели – получения дворянства. Жертвовать в пользу московского Елизаветинского училища, в котором занимал пост казначея, он начал еще в 1828 г. Но только в 1854 г., когда «за особое усердие» П.М. Губину был пожалован чин статского советника, цель была достигнута. Однако дворянский статус не помог ему удержаться в составе уральских заводчиков, к чему он, судя по всему, особенно и не стремился.

Не менее драматичной оказалась и история владения Сергинско-Уфалейскими заводами Константином Михайловичем Губиным. Как свидетельствовали горные чиновники, после раздела 1838 г. и эти заводы начали быстро клониться к упадку и «вместо пользы приносили значительный убыток». Следствие, проведенное по жалобам крепостных уже в следующем году, выяснило, что главной причиной тому явились «неисполнение штатов, расточительная жизнь Губина и беспорядочное управление его своим имением». III Отделение тогда же подтвердило, что владелец «по ограниченности ума своего, ведя жизнь рассеянную, привел в совершенный упадок» свои заводы. Не прекращавшиеся волнения мастеровых подтолкнули власти в 1841 г. к решению взять заводы в полный казенный присмотр¹⁴ «за неисправную выдачу заводским людям содержания, жалования и задельной платы, за неимение узаконенной пропорции хлеба, за неплатеж разного рода податей и, наконец, в обеспечение отпущенных на сей предмет и на заводское производство Уральским горным правлением денежных сумм»¹⁵.

При «расточительном и слабоумном» муже в борьбу за заводы вступила жена владельца Анастасия Иосифовна (урожденная Кони), поверенными в делах которой выступали ее родственники – «художник» С.И. Кони и коллежский асессор Ф.А. Кони (отец знаменитого юриста А.Ф. Кони). В 1844 г. супруги заключили соглашение, в соответствии с которым Губин передал жене на 12 лет «в полное распоряжение» все свои имения для того, чтобы, «употребив собственный свой капитал и частью рассрочив платежи на продолжительные сроки», она «погасила долги мужа своего» (по некоторым данным они достигали 600 тыс. руб.) и освободила заводы от казенного присмотра. Эти условия сохранили свою силу даже после кончины владельца в 1848 г. Его наследниками оказались вдова и четверо малолетних детей, над которыми была установлена опека в лице матери (она вскоре вышла замуж за полковника, затем – генерал-майора П.П. Ушакова) и дяди – почетного гражданина С.И. Кони (рис. 1, 2).

Рис. 1. Анастасия Иосифовна Ушакова.
Художник И.К. Макаров. 1866 г.

Рис. 2. Павел Петрович Ушаков.
Художник Т.А. Нефф. 1866 г.

¹⁴ Казенный присмотр предусматривал назначение горного чиновника в состав частного заводоуправления для наблюдения за расходом денежных средств «без стеснения управляющих в хозяйственных их распоряжениях» (ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 32. № 25384).

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 234–239.

Из записки управления Сергинско-Уфалейских заводов следует, что владелица «быстро приступила к приведению заводов в лучшее положение». Она не только расплатилась почти со всеми долгами мужа, но и простила долги рабочим, чем завоевала их расположение и предупредила новые волнения. К 1856 г. Ушакова «вошла в большие запасы всех заводских потребностей, расширила во всех отношениях производительность заводов [она возросла вдвое и достигла 900 тыс. пудов чугуна; добыча золота составила 2 пудов в год. – Е. Н.], приобрела посредством кортома у башкир... добротные руды, доставившие железу при обработке его контуазским способом высокое качество и лестную известность в торговле, обстроила заводы, возвела приличные каменные фабрики и вместе с этим поставила заводы как в хозяйственном, так и в техническом отношении, в уровень с лучшими уральскими заводами»¹⁶.

Правда, весьма осведомленный главный начальник уральских заводов В.А. Глинка приписывал эти успехи не столько владелице, сколько опекуну С.И. Кони. «Мне известны ревностные усилия Кони к восстановлению бывших в упадке Сергинских заводов и успехи, коими увенчались труды его», – писал он министру финансов в 1853 г. и даже рекомендовал «удостоить заслуги Кони поощрением от Правительства»¹⁷.

Скорее всего, так и было, поскольку когда в конце 1850-х гг. отношения между владелицей и опекуном испортились и он отстранился от управления, начался упадок заводов, несмотря на все предпринимаемые владелицей меры. Операционный капитал составлялся в основном за счет краткосрочных ссуд в Екатеринбургской конторе Коммерческого банка, но вскоре управляющие были обвинены в крупных махинациях с залогом металла. По свидетельству Д.Н. Мамина-Сибиряка, интересовавшегося в свое время историей разорения этих заводов, пострадал и муж владелицы П.П. Ушаков, который исполнял должность «уполномоченного наблюдателя». В 1874 г. за денежный ущерб, нанесенный казне, он был лишен прав и состояния и подлежал ссылке в Сибирь¹⁸.

В такой ситуации в ноябре 1864 г. Сенат принял решение о взятии заводов во временное казенное управление до продажи с публичных торгов. Не вдаваясь в подробности, в указе отмечалось, что сделано это было «по обстоятельствам заводовладельцев», на которых накопилось до 2,3 млн руб. долгов, в том числе 1,6 млн руб. казне. В 1866 г. по ходатайству С.И. Кони имение было сдано ему в аренду. Но уже через полтора года Сергинско-Уфалейские заводы из-за «неисправности арендатора» передали в опеку и вновь назначили к публичной продаже. Несколько раз безрезультатно завершались торги на заводы Губиных, пока, наконец, в 1881 г. находившийся все это время в управлении разорительной опеки, но вполне дееспособный горнозаводский округ не был приобретен компанией, учрежденной торговым домом Мейера и фирмой Гинцбурггов. Немалая «покупная сумма» в 4,15 млн руб. пошла в основном на погашение долгов бывших владельцев.

К тому времени дочери К.М. Губина Зинаида и Александра уже давно были замужем за представителями дворянских родов Нарышкиных и Толстых. Сыновья Анатолий и Евгений сохранили статус потомственных почетных граждан. Старший сын, видимо, унаследовал и болезнь отца. Незадолго до продажи заводов, в 1879 г., оба брата были признаны «несостоятельными должниками». Драматическая история владельцев Сергинско-Уфалейских заводов была запечатлена Д.Н. Маминым-Сибиряком в его первом романе «Приваловские миллионы».

Расторгуевы. Вольский купец 1-й гильдии Лев Иванович Расторгуев стал уральским заводовладельцем, купив в 1808 г. у И.Я. Хлебниковой Нязе-Петровский завод и в 1809 г. у П.Г. Демидова два Кыштымских и Каслинский заводы. Оба горнозаводских хозяйства купец приобрел в рассрочку, оплатив сразу лишь часть «покупной суммы». Вероятно, в первые годы после покупки он жил на заводах и непосредственно управлял ими. Объединив два хозяйства, он основал один из крупнейших на Урале Кыштымский горнозаводский округ площадью 426 тыс. дес. земли с крепостным населением, на момент покупки

¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1887. Л. 47–50.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 5. Д. 1227. Л. 1–4.

¹⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 10 т. М., 1858. Т. 2. С. 377–378.

составлявшим более 4,5 тыс. ревизских душ. До начала 1820-х гг. дела шли благополучно: как сообщало заводоуправление, «соблюдая все основания бывшего за Демидовым управления», владелец увеличил производство сортового железа и начал разработку богатейших Соймоновских золотых приисков.

Но, придерживаясь этого порядка, он не сумел своевременно отреагировать на произошедшее в начале 1820-х гг. резкое повышение цен на хлеб, полагая, что рабочие его заводов имеют значительные личные хозяйства. В результате в 1822–1823 гг. Кыштымские заводы сотрясло крупное волнение мастеровых. Хотя Расторгуев приехал тогда на Урал из Вольска Саратовской губернии, где состоял в должности городского головы, но своими необдуманными действиями не смог восстановить доверие рабочих, что привело к полной остановке производства. Порядок навели власти с помощью войск, но сам владелец, видимо, остро переживая случившееся, в начале 1823 г. скончался.

Итоги его владения подвел особый правительственный комитет. «Вникнув во все обстоятельства и подробности... возмущения мастеровых», он постановил, что «неустройства и беспорядки были следствием, с одной стороны, худого оными управления и крайне несоразмерных с настоящею дороговизною заработных плат, которых притом мастеровые часто не получали, а с другой стороны – небрежения заводчика о благовременном и достаточном заготовлении для продовольствия заводских людей необходимо нужных жизненных потребностей»¹⁹.

Наследницами купца стали вдова Анна Федотовна (урожденная Коробкова) и две дочери. После смерти матери в 1825 г. заводы остались в нераздельном владении дочерей, выданных замуж еще при жизни отца за представителей двух известных в Екатеринбурге старообрядческих родов. Мужем Марии Львовны стал екатеринбургский купец 1-й гильдии П.Я. Харитонов, а Екатерины Львовны – казанский купец 1-й гильдии А.Г. Зотов, сын бывшего крепостного управляющего Верх-Исетского округа Г.Ф. Зотова (рис. 3).

Рис. 3. Анна Федотовна и Лев Иванович Расторгуевы.
Миниатюры неизв. художника начала XIX в.

Наследницы вступили во владение в то время, когда горные власти предполагали взять их заводы в казенное управление и составить особые «штаты», ориентированные на условия содержания рабочих государственных горных предприятий. Но необходимость сложных расчетов отдала это решение, и власти ограничились установлением усиленного присмотра заводского исправника за положением населения.

¹⁹ Рабочее движение в России в XIX в. М., 1951. Т. 1. С. 385–386.

Хотя официально считалось, что мужья управляют заводами по доверенности, выданной им женами-владелицами²⁰, фактически дела вершил сам Г.Ф. Зотов до 1826 г., когда после инспекции уральских заводов графом А.Г. Строгановым (ее негласной целью была компрометация уральских «староверов») он был отдан под суд. В своем рапорте граф писал о «жестокостях и тиранствах» на заводах и золотых приисках наследниц Расторгуева, о недостатке плат рабочим, об отсутствии больниц и аптек. «Нет следов христианского попечения о людях, которых можно сравнить с каторжными и неграми», – докладывал инспектор²¹. Следствием этого стало введение в 1832 г. в Кыштымском округе «штатного положения», с которым согласились и заводовладелицы. Министр финансов Е.Ф. Канкрин полагал, что «сим положением достаточно отклонены случаи, могущие служить поводом к неудовольствию и жалобам, и что с введением оно водворится в заводах наследниц Расторгуева прочное спокойствие»²². Другим результатом стало обвинение Г.Ф. Зотова и вместе с ним «уполномоченного» П.Я. Харитонову «в разных противозаконных действиях». В 1836 г. муж владелицы был «лишен медалей и доброго имени» и сослан в Финляндию, где и скончался через два года (рис. 4, 5).

Начавшиеся в это время трения между сестрами вылились в итоге в открытую конфронтацию, отразившуюся на положении мастеровых, которых, по донесению заводского исправника, вновь перестали вовремя «удовлетворять платами». Уже в 1839 г. главный начальник В.А. Глинка предлагал взять Кыштымский округ в казенное управление, так как заводовладелицы, «несмотря на все настояния горного начальства, не заботились о благоустройстве своих заводов»²³. Не помог поправить ситуацию и осуществленный в 1840 г. залог крепостных в Заемном банке на 566 тыс. руб., поскольку он не смог покрыть все накопившиеся долги, включая казенные недоимки.

Как и Губины, в такой сложной ситуации совладелицы решились на раздел имущества, в соответствии с которым заводы переходили во владение Е.Л. Зотовой, а «недвижимые имущества в разных местах» и 700 тыс. руб. сер. «деньгами, металлами и векселями» – М.Л. Харитоновой, числившейся в документах шлиссельбургской купчихой 1-й гильдии. Однако «раздельная запись» осталась «несовершенною формальным порядком», поскольку осторожный Е.Ф. Канкрин ввиду возможного учреждения казенного управления отложил окончательное решение «до времени, когда удовлетворятся заводские люди и будут на заводах наличные деньги»²⁴.

Следствием этого стала отмена прежнего общего управления заводами и назначение в 1841 г. двойного (со стороны каждой владелицы), а также подача сестрами, проживавшими в Петербурге, друг на друга финансовых претензий через суд. Затянувшиеся споры владелиц

Рис. 4. Мария Львовна Харитоновна. Неизв. художник. Первая половина XIX в.

Рис. 5. Петр Яковлевич Харитонов. Неизв. художник. Первая половина XIX в.

²⁰ Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX в. М., 2021. С. 22–33.

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 39–41.

²² Там же. Л. 334.

²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 18.

²⁴ Там же. Л. 111–112.

о дележе доходов привели к тому, что они фактически прекратили финансирование предприятий. Е.Ф. Канкрин, вновь рассматривавший дело о Кыштымских заводах в 1843 г., нашел, что Зотова и Харитоновна «не показывают никакой склонности действовать общим... соглашением». «Единственной причиной упадка заводов, – счел он, – является раздор между владельцами»²⁵. По примеру заводов К.М. Губина, сестрам предписывалось все металлы продавать с ведома Горного правления, а «вырученные деньги полностью обращать на продолжение заводского действия» и на уплату казенных долгов.

В условиях такого полного казенного присмотра, фактически устранившего владельцев от важнейшей функции – распоряжения финансами, дела Кыштымских заводов стали поправляться. Когда возобновились выплаты по долгам, в 1852 г. казенный присмотр был снят. Тогда там выделялось до 300 тыс. пудов железа «порядочного качества» и получило распространение знаменитое каслинское чугунное литье. Тем не менее «несогласия» владельцев продолжались, реализуясь в бесконечных судебных исках. На заводах эти распри находили отражение в «пререканиях» двух управляющих от каждой из частей владения. Они продолжались и после кончины сестер и перехода владения к их наследникам, породнившимся с дворянскими родами Головниных, Дружининых и Меллер-Закомельских.

Ярцовы. Более спокойно поначалу развивалось горнозаводское предпринимательство на Урале первостатейных московских купцов Ярцовых. Его основатель – Матвей Филатович Ярцов – в 1810 г. купил у полковницы К.С. Мордвиновой Верхний и Нижний Шайтанские заводы с 622 ревизскими душами за 230 тыс. руб., уплата которых была рассрочена на семь лет. Справившись с этим долгом, он тем не менее не сумел осуществить свой план развития производства за счет постройки нового железоделательного предприятия на месте купленного у той же владелицы села Тюбук, расположенного в 120 верстах от заводов, но, в отличие от них, якобы «изобилующего водою».

Технические расчеты заводчика оказались ложными, да и местные крестьяне не выразили желания исполнять непривычные для них работы. Ярцов, проживавший тогда в Москве, прибыл на заводы. Вопреки своему прежнему мнению о том, что назначенные им для крестьян работы являются «самыми легкими и неотяготительными», он увидел, «сколь тягостно кажется им обращение в тех работах, к которым они не сделали привычки»²⁶. «Из сердцелюбия и сожаления к человечеству» он отказался от своих первоначальных намерений.

Новые планы возникли у владельца после открытия в 1823 г. в Шайтанском округе месторождения медной руды и золотосодержащих песков. Скорее всего, в этой связи им была задумана покупка продававшихся с аукциона медеплавильных Таишевского и Иштерьяковского заводов Иноземцевых, располагавшихся на границе Вятской и Казанской губерний. Но реализовать это намерение в 1826 г. довелось уже его сыну Ивану, оказавшемуся незадолго до этого единственным наследником скончавшегося отца. Еще в 1824 г. он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени «за пожертвования на общественные заведения», что давало основание для получения дворянства. При покупке Таишевских заводов И.М. Ярцов уже именовал себя дворянином, хотя диплом он получил только в 1841 г. (рис. 6).

Рис. 6. Герб, пожалованный И.М. Ярцову. 1841 г.

За время своего 20-летнего управления Ярцов более чем вдвое (с 59 тыс. до 134 тыс. пудов) увеличил выделку железа на унаследованных предприятиях. До 2–3 тыс. пудов выросла и выплавка меди на приобретенных заводах, которые тем не менее не стали рентабельными и содержались отчасти за счет общих доходов имения.

²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 77.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 296. Л. 47–50.

Владелец скончался в 1846 г., оставив наследницами трех дочерей, породнившихся с несколькими дворянскими родами. Старшая Мария, бывшая замужем за генерал-майором А.А. Кузьминым, к тому времени уже овдовела; вскоре после смерти отца средняя дочь Елизавета вышла замуж за полковника Д.И. Николаева, а младшая Ольга – за капитана П.В. Берга. Накануне своей кончины отец составил в их пользу завещание на немалую сумму в 770 тыс. руб. сер., включая «родовые» Шайтанские (162 тыс. руб.) и «благоприобретенные» Таишевские (93 тыс. руб.) заводы. С благой целью «предупредить споры и тяжбы, могущие возникнуть между дочерьми», он распорядился первые передать Е.И. Николаевой, а вторые – М.И. Кузьминой. На случай неутверждения завещания все родовое имение делилось поровну между всеми наследницами, а приобретенное – между Елизаветой и Ольгой.

Но, вопреки воле отца, всего через месяц после его смерти Кузьмина «объявила спор по завещанию», сочтя раздел «неуравнительным»; ее примеру вскоре последовала и Берг, в то время как Николаева просила горное начальство «ввести ее во владение» Шайтанских заводов, назначила туда управляющего и даже распорядилась «в свою пользу» доходами от продажи железа. В такой ситуации Горное правление приказало взять заводы в казенный присмотр «как для обеспечения долгов и недоимок, так и для охраны заводов во время споров наследниц». Кузьмина вновь протестовала, доказывая, что учреждением присмотра стесняется ее свобода по владению собственностью и она «лишается последних средств... на прожитие и содержание четырех малолетних детей»²⁷.

Прибывший на заводы в начале 1848 г. горный чиновник обнаружил там недостаток в деньгах, из-за которого уже два месяца рабочие не получали заработную плату. Пришлось прибегнуть к займу из Екатеринбургской банковской конторы под залог добытого золота. Вскоре появился указ Сената о передаче спорного имения в опекуновское управление, на время успокоивший владелиц. При опеке через год состоялось и решение Московской палаты гражданского суда, которая рассмотрела дело о завещании Ярцова. Его первичные условия были отменены, родовое имущество передано в общее распоряжение наследниц, а приобретенное – Николаевой и Берг.

Однако на этом длившиеся уже три года споры наследниц не прекратились. Кузьмина «совершенно отказалась» принять от опекунов в общее владение с сестрами имение отца «по неопределенности частей родовой и благоприобретенной» и выразила желание продолжить опеку или «учинить посредническое разбирательство»²⁸. В 1850 г. Московская палата постановила принять наследницам бесспорное имущество, а спорное оставить в общем владении и решать его судьбу в суде. Вскоре настроенные миролюбиво Николаева и Берг разделили поровну между собой бесспорное приобретенное имение отца, куда вошли Тайшевские заводы, доставшиеся О.И. Берг.

Еще до ее вступления во владение сестры уведомили горное начальство о том, что, «войдя в хозяйственное соображение способов поддержания» заводов, они удостоверились, что это заводское имение чуждо всякой возможности не только к полезному для нас, но и к самобытному, без особых ему денежных пособий, существованию по неимению лесов и по убогому содержанию добываемых руд, залегающих гнездами так, что добыча их с содержанием завода обходится дороже цены выплавленной меди»²⁹. Получив разрешение, уже сама О.И. Берг закрыла заводы и вскоре продала унаследованное имение как сельскохозяйственное.

Шайтанские заводы оставались в общем владении трех сестер до 1856 г., когда «по взаимному соглашению» они провели, наконец, раздел. Е.И. Николаева, которой по желанию отца предназначалось это имение, отказалась от него, получив взамен московские дома и торговые лавки. Во владении М.И. Кузьминой и О.И. Берг заводы находились до смерти последней в 1866 г. Через три года Кузьмина уступила свою половину имения зятю П.В. Бергу. Выйдя в отставку в чине подполковника, он сосредоточился на предпри-

²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4576. Л. 155–176 об.

²⁸ Там же. Л. 501.

²⁹ Там же. Оп. 32. Д. 900. Л. 1–1 об.

нимательской деятельности, участвовал во многих крупных коммерческих предприятиях, умело управляя и имением жены. По оценке экономиста В.П. Безобразова, побывавшего на Урале в 1867 г., Шайтанские заводы представляли собой «самое мелкое» (там состояло всего около 36 тыс. дес. земли и выплавлялось до 150 тыс. пудов чугуна), но находившееся «в цветущем положении» горнозаводское имение на Урале³⁰.

Зеленцовы. Верхотурский купеческий род Зеленцовых в первой трети XIX в. оказался «временным владельцем» крупных Ревдинских заводов на Урале. Имея статус именитого гражданина и чин коллежского асессора, Алексей Васильевич Зеленцов в 1808 г. купил у П.Г. Демидова в рассрочку под «закладную» (как через год то же сделает и Л.И. Расторгуев) это горнозаводское имение с 256 тыс. дес. земли и более чем 4 тыс. ревизских душ за 1 280 тыс. руб., обязуясь в течение семи лет выплатить всю сумму. Видимо, он рассчитывал погашать долг из заводских доходов при поддержке других своих коммерческих операций, основными из которых были винный откуп по Томской и Тобольской губерниям и поставки провианта в казну.

Однако уже через два года, когда у новоявленного заводчика возник большой долг перед Государственным казначейством за невозвращенный «вексельный перевод» и проблемы по откупам, он вынужден был прекратить выплаты Демидову. Заводы же, которые ежегодно требовали до 300 тыс. руб. оборотного капитала, по наблюдению горных чиновников, «мало-помалу расстраивались» и двигались «к совершенному изнеможению». За накопившиеся казенные долги в 1813 г. Сенат постановил «осеквестровать и продать узаконенным порядком имение коллежского асессора Зеленцова, где какое свободным окажется»³¹.

Благодаря влиятельным заступникам владелец сумел отложить продажу, пообещав в скором времени расплатиться со всеми долгами за счет роста выделки железа до 250 тыс. пудов в год. Но власти все-таки решили взять Ревдинские заводы в частичное казенное управление, откомандировав туда «надежного чиновника», а также предоставить заводам ссуду из средств Горного правления. Зеленцов не был полностью устранен от управления: ему позволялось либо самому принять в нем участие, либо прислать своего поверенного.

В 1815 г. он прибыл на заводы из Петербурга, однако, «находясь в тяжкой обременительной болезни», вскоре скончался, не успев выполнить свои обещания. Знаменательно, что сделанная в его доме в Ревде опись библиотеки не включала ни одной книги по горному делу, что косвенно свидетельствует о его неподготовленности к ведению нового вида бизнеса и объясняет согласие на участие в управлении опытного специалиста.

Итоги почти 10-летнего владения А.В. Зеленцова Ревдинскими заводами выглядели далеко неутешительными. На них «висели» государственные и частные долги «на многотысячную сумму». Заводы находились в казенном управлении, а все неза заводское имущество владельца было описано и арестовано до продажи с публичных торгов. Заплатив всего 440 тыс. руб. в первые три года после покупки, Зеленцов не выполнил и условий сделки с Демидовым. Поэтому, в соответствии с закладной, бывший владелец имел право «удовлетворение получить, как законы повелевают»³².

Он так и сделал, после окончания срока залога предъявив иск ко взысканию оставшихся невыплаченными 840 тыс. руб., которые перешли на наследников Зеленцова – вдову Евдокию Михайловну (урожденную Походяшину, внучку основателя Богословских заводов на Урале), шестерых сыновей (некоторые из них уже получили дворянский диплом «по чину» в горной или гражданской службе; Капитон Алексеевич в 1833 г. станет академиком живописи) и дочь – полковницу Аполлинарию Бикбулатову (рис. 7).

Поскольку заводы находились теперь уже в полном казенном управлении (никто из взрослых сыновей не вступил в управление, хотя семья осталась жить в Ревде), наследники не получали доходов и, естественно, не могли погасить долг Демидову, да, видимо,

³⁰ Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 203.

³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6637. Л. 5–10.

³² Там же. Д. 6729. Л. 1–9 об.

и не собирались этого делать. Они подали почти равный по сумме иск к бывшему владельцу, утверждая, что тот якобы продал вместе с заводами казенные и спорные земли, ему не принадлежавшие. Тем не менее Государственный Совет в 1819 г. постановил назначить заводы Зеленцовых в публичную продажу за казенные и частные долги.

Но очевидные успехи казенного управления (заводы были приведены «в полное действие», уплачены недоимки по горным податям и долгам) предопределили повеление Александра I в 1824 г. остановить продажу заводов до решения дела по взаимным претензиям Демидова и Зеленцовых и рассмотреть его в Сенате вне очереди. Однако благодаря действиям наследников дело затянулось и решения по нему были приняты уже после кончины П.Г. Демидова в 1826 г.

Участником спора выступил сын бывшего владельца, отставной артиллерийский полковник А.П. Демидов, который доказывал, что Зеленцовы «затянули свой иск на отца для того единственно, чтобы уклониться от платежа должной ими суммы» (она достигала с набравшими процентами уже астрономической величины в 2 млн руб.). В 1829 г. император утвердил решение Комитета министров, по которому Ревдинские заводы вновь назначались к продаже «с тем, чтобы из вырученных сумм все то, что следует Демидову, уплатить без отлагательства, несмотря ни на какие противоречия со стороны Зеленцовых»³³. До продажи на основании Банкротского устава имение отдавалось во временное владение Демидова.

После этого Зеленцовы методично предпринимали попытки повлиять на оценку заводов с целью повысить их стоимость. К началу 1830 г. они подали свыше десятка жалоб в разные инстанции, вследствие чего горное начальство даже вынуждено было объявить о том, что «впредь никаких возражений от них приниматься не будет»³⁴. В свою очередь назначенные Демидовым управляющие всеми мерами пытались выселить наследников из имения.

При подготовке округа к продаже в 1830 г. было подсчитано, что за 15 лет казенного управления за Зеленцовых уплачено более 841 тыс. руб. преимущественно государственных долгов. Но за исключением долга Демидову они еще оставались должными казне и частным лицам до 787,5 тыс. руб. Большую часть этих долгов было предписано «удовлетворить» за счет продажи заводов (оцененных в 2,67 млн руб.) и другой недвижимости Зеленцовых (на сумму 586 тыс. руб.).

Торги по горнозаводскому имению состоялись в 1833 г. К тому времени А.П. Демидов переменял свое прежнее намерение и решил оставить довольно перспективные Ревдинские заводы за собой, выступив на торгах, скорее всего, их единственным покупателем. Так завершилось уже давно ставшее фиктивным владение горным округом на Урале двумя поколениями рода верхотурских именитых граждан и дворян Зеленцовых. Для них оно оказалось крайне неудачным предприятием, приведшим, судя по всему, к полному разорению.

Подъячевы. Из всех купеческих владельческих историй самой необычной выглядит, пожалуй, история уфимского рода Подъячевых. С 1797 г. ему принадлежал небольшой медеплавильный Шильвинский завод в Оренбургской губернии, купленный городским головой уездной Уфы и купцом 3-й гильдии Алексеем Матвеевичем Подъячевым у тульского купца Н.П. Красильникова с 208 ревизскими душами за 32 тыс. руб.

Как сообщал новый владелец, он застал приобретенный завод «без всякого действия и весь в расстройке», без запасов руды, угля и провианта. В конторе не обнаружилось

Рис. 7. Герб, пожалованный А.А. Зеленцову. 1811 г.

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 1–9 об.

³⁴ Там же. Д. 6168. Л. 175.

и документы на отводы рудников и лесов «по бывшему в том краю народному замешательству» (имелось в виду Пугачевское восстание). Поэтому Подъячеву пришлось арендовать, а затем и выкупать рудники у соседних заводчиков, а лес приобретать «за попенные деньги» у уездного начальства. По его словам, была поправлена плотина и обветшалые строения, вновь отстроены медеплавильные печи.

Однако покупка завода вызвала несколько судебных разбирательств с родственниками бывшего владельца. Сначала его двоюродный брат С.Т. Красильников стал уверять, что продажа произошла «ухищрительным образом», ссылаясь на то, что владелец именно ему обещал передать завод, поскольку сам был не в состоянии управлять им по причине «употребления горячительных напитков». Не получив поддержки в суде, он через несколько лет «настроил» тверского купца Арефьева (видимо, зятя бывшего владельца) возобновить разбирательство. На этот раз Оренбургская палата гражданского суда «при всей напряженной запутанности производства дела и увертливостям ответчика» склонилась более на сторону обвинения. В 1810 г. последовало компромиссное решение: купец Арефьев, «как ближайший родственник бывшего владельца Красильникова», был допущен к управлению заводом с условием, «чтобы и купец Подъячев имел всегда в виду обороты заводские и... за действиями Арефьева наблюдение»³⁵.

Управление Арефьева продолжилось менее года. За это время он успел возобновить производство, достигшее 388 пудов, но вырученных денег не хватило даже на заработную плату рабочим. Жалобы Подъячева привели к передаче ему управления при сохранении казенного присмотра. Конфликт с наблюдавшим горным чиновником и еще одно судебное разбирательство «об утайке меди» сопровождали недолгую дальнейшую историю владения А.М. Подъячева. В 1817 г. он скончался, завещав завод «в полное и пожизненное распоряжение» своей жены Пелагеи Дмитриевны (из дворянского рода Рудневых) под управлением сына от первого брака Николая с тем, чтобы тот «все деньги употреблял не иначе как с позволения мачехи». Поскольку заплатить долги умершего заводчика наследники не могли, по требованию кредиторов Мензелинский уездный суд назначил завод к продаже и направил чиновника для его описи и оценки.

Вдове удалось добиться отмены этого решения обещанием выплачивать кредиторам ежегодно по 2 тыс. руб. Но она не сумела договориться с пасынком о совместном управлении. Подъячева обвинила его в пьянстве и «рассеянной жизни», а назначение его управлять заводом объяснила надеждой отца на то, «не поправится ли он под моим смотрением и наблюдением в уме своем»³⁶. При этом вдова по неизвестной причине не предъявила завещание на утверждение в суд, тем самым умалив его значение. Между тем пасынок сумел оправдаться, предоставив в свою пользу свидетельства городского общества Уфы и показания, видимо, подкупленных заводских жителей. В 1819 г. Горное правление допустило Н.А. Подъячева к управлению заводом под наблюдением проживавшей там мачехи, которая через год «по старости лет и слабости здоровья» вовсе отказалась от общего управления с условием «для пропитания ее с семейством выдавать хлеб и следующую часть денег»³⁷.

Семейный конфликт разворачивался на фоне упадка производства (в 1820 г. было выплавлено всего 118 пудов меди) и все ухудшавшегося положения рабочих. В 1822 г. исправник сообщал, что на Шильвинском заводе совсем нет денег и хлеба, от чего «тамошние мастеровые, не получая нисколько для прокормления... провианта, от исправления заводских работ отказались». Поскольку от «заводосодержателя» никакой помощи не ожидалось, он просил у горных властей «указать Подъячеву о немедленном приискании компаньона» или рекомендовал удалить его от управления, поскольку считал, что «причина упадка завода есть не что иное, как неопытность владельца в горном и заводском производстве»³⁸.

³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5201. Л. 131.

³⁶ Там же. Л. 438–443.

³⁷ Там же. Л. 629.

³⁸ Там же. Л. 715–720.

В такой ситуации помощь Подъячеву решили оказать его родственники со стороны жены – елабужские купцы Шишкины³⁹, предложившие взять завод в аренду на десять лет. Еще до подписания контракта они вложили свои деньги на восстановление работ, но Подъячев «под разными предложениями... от дальнейшего сотрудничества уклонился». Как в свое время мачеха и заводский исправник, приехавший на завод купеческий сын И.В. Шишкин жаловался на «слабость» владельца по управлению и «частовременное обращение в невоздержанность»⁴⁰. Со своей стороны, Подъячев обвинил Шишкина «в одном только поползновении к пользе своей» и уничтожил доверенность на управление возрожденным заводом.

Но и сам он в 1824 г. фактически устранился от управления, передав его сыну Николаю. Однако из-за отсутствия оборотного капитала тот не смог самостоятельно вести заводские дела и сразу стал просить у горного начальства ссуду под секвестр металла. С помощью казенных денег Н.Н. Подъячев сумел поднять производительность до 800–1 000 пудов меди и даже записаться вместе с отцом во вторую купеческую гильдию по городу Елабуге.

Новый владелец оказался ничуть не менее прагматичным и беззастенчивым хозяином, чем его отец и дед. Он отказывался выплачивать долги, ссорился с родственниками, обвинялся в самовольном истреблении казенных лесов и чрезмерной эксплуатации крепостных. В 1847 г. на Шильвинском заводе произошло волнение. Следствие даже предположило, что владелец нарочно доводил рабочих «до крайности» с целью получения казенных ссуд. В.А. Глинка уже тогда предлагал наказать Подъячева розгами и отдать «в арестантские роты», а завод взять в казенный присмотр. Но владелец пообещал исправить «упущения» и содержать рабочих в соответствии с предоставленными ему штатами казенных заводов.

Отметим, что в начале 1850-х гг. он действительно пытался осуществить реорганизацию своего заводского хозяйства: арендовал несколько десятин земли рядом с рудниками и возвел там Александровскую «фабрику», где сосредоточил саму плавку руд, а на Шильвинском заводе, удобно расположенном в четырех верстах от Камы, оставил лишь очистку меди. Все это позволило временно увеличить производство до 1,5–2 тыс. пудов. Но оборотной стороной стали новые злоупотребления владельца в отношении заводского населения, поднявшегося в 1859 г. на очередное выступление.

На этот раз губернские и горные власти безоговорочно встали на сторону рабочих, а информация об инциденте оказалась даже на страницах герценовского «Колокола». «Обременяя крестьян работами, не выдавая вполне следующего им жалования и провианта, отдавая из личных своих расчетов в услуги посторонним людям... – писал следовательно, – владелец нисколько не заботился об участи своих людей, не имел и не имеет до сих пор... заводской школы... не имеет ни малейшего попечения о призрении больных и увечных, так что рабочие нередко умирали в землянках без всякого медицинского пособия... В обращении с рабочими при исполнении заводских работ владелец делает им беспрепятственные притеснения, обиды и побои; примеру его следуют все приставники и надзирающие за работами нарядчики». Главная причина беспорядков, резюмировал он, кроется в самом владельце, «который по своей недобросовестности и изворотливости всегда найдет средства притеснять крестьян... Вообще можно сказать, что с его беспокойным характером и склонностью к ябедничеству он не только не может и не должен управлять судьбою подчиненных ему людей, но и сам должен быть подвергнут строгому и постоянному наблюдению со стороны установленных законом властей и общества»⁴¹.

Когда результаты следствия были представлены министру финансов А.М. Княжевичу, тот счел, что «злоупотребления заводчика по содержанию рабочих достигли крайнего предела», и распорядился взять Шильвинский завод в опекуновское управление, а Комитет

³⁹ Женой Н.А. Подъячева была Александра Васильевна Шишкина, сестра Ивана Васильевича («меньшова») Шишкина, отца знаменитого художника.

⁴⁰ Там же. Оп. 25. Д. 560. Л. 96–97.

⁴¹ Рабочее движение в России... Т. 1. С. 834–852.

министров признал «дальнейшее пребывание Подъячева в Оренбургском крае вредным и опасным для общественного спокойствия»⁴². Было принято решение о высылке Н.Н. Подъячева в город Пинега Архангельской губернии с учреждением за ним строгого полицейского надзора.

Он вернулся на Урал только в 1863 г., после того как бывшие заводские крепостные уже были освобождены от обязательных работ и наделены казенными землями. Завод же при неумелых опекунах был доведен «до совершенного расстройтва», и хотя впоследствии ему отвели казенные леса, а еще надеявшиеся на возврат долгов кредиторы отважились помочь должнику новой ссудой денег, поднять производство Подъячев не смог, как не сумел и расплатиться со все увеличивавшимися казенными и частными долгами. Завод неоднократно назначался к публичной продаже, но торги откладывались по разным причинам.

В 1866 г. закрылась Александровская «фабрика», а через два года остановился и Шильвинский завод. Побывавший там в 1875 г. заводский исправник констатировал, что его уже фактически не существует. Местные крестьяне, не забыв прежних «обид», нанесенных им заводчиком, сообщили, что, вопреки запрещению, он «как здание фабрики, так и дом и другие постройки распродал сам в разные руки... а деньги употребил в свою пользу и на эти деньги в селе Боровецком выстроил деревянный дом, имеет в настоящее время две лошади, три коровы и несколько овец и свиней»⁴³. Позже выяснилось, что «на последние средства» бывший заводчик построил там мельницу, которая в 1882 г. сгорела вместе с домом. Многочисленное семейство уже умершего к тому времени купца «доведено было до совершенной нищеты, имея только одну избу»⁴⁴.

Заключение. Особенности купеческого заводовладения. Приведенные выше примеры не исчерпывают истории купеческих родов первой половины XIX в., но являются во всех смыслах показательными для выявления особенностей владения ими горными заводами на Урале.

Они свидетельствуют, что все купцы стали горнозаводчиками в результате покупки уже действовавших промышленных хозяйств, владельцы которых по каким-то причинам (чаще всего по недостатку капитала) расстались со своей «беспокойной» собственностью. Отметим, что горнозаводские имения, включавшие заводы и рудники, обширные леса и многочисленные поселения, были довольно дорогостоящими; они также требовали наличия значительного оборотного капитала, идущего на текущую промышленную деятельность и на оплату труда рабочих. Некоторые из них еще нуждались в организационных мерах для достижения оптимальной формы, что также требовало масштабных инвестиций. На купеческие горнозаводские имения в первой половине XIX в. распространялось и посессионное право, что вело за собой уплату повышенной в полтора раза подати с металлов и необходимость соблюдения некоторых ограничений в распоряжении заводским имуществом при усиленном надзоре со стороны горного начальства⁴⁵. Тем не менее горнозаводские округа оказывались привлекательными объектами для вложения накопленных купеческих капиталов из-за довольно высоких доходов, которые можно было извлечь из эксплуатации их богатых природных ресурсов.

Большинство покупателей (М.П. Губин, Л.И. Расторгуев, М.Ф. Ярцов, А.В. Зеленцов) были крупными предпринимателями, добившимися значительных успехов в своем деле и имевшими наличные капиталы. Но, судя по всему, они являлись новичками в горнозаводском деле и, покупая заводы, рассчитывали на уже налаженную их работу и высокие прибыли, что, однако, было затруднено в условиях общего экономического спада начала XIX в. Некоторые из купцов (Л.И. Расторгуев, А.В. Зеленцов, М.Ф. Ярцов) приобрели

⁴² РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 647. Л. 3, 28.

⁴³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 862.

⁴⁴ Там же. Д. 1423. Л. 46, 82.

⁴⁵ Отметим, что на посессионном праве владели металлургическими заводами и многие дворяне (Демидовы, Мосоловы и др.), основавшие их при «пособии от казны» в землях, лесах, рудах или рабочих. Подр. см.: Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

заводы в рассрочку, рассчитывая также на доходы от других своих предприятий, которые в случае необходимости могли помочь «раскрутить» новый вид бизнеса.

Яркий пример Зеленцовых свидетельствует о зыбкости подобных ожиданий. Неожиданные финансовые затруднения не позволили им расплатиться с долгами, создать оборотный капитал и закрепить за собой приобретенное по случаю и вполне перспективное имение. Другим подобным примером может послужить уже неоднократно описанный в историографии случай с московским купцом немецкого происхождения А.А. Кнауфом, владельцем Юговских заводов, арендатором Златоустовских заводов казны и Кыновских заводов Строгановых. В условиях войн с Наполеоном он утратил экономические связи со своими европейскими партнерами и тоже разорился⁴⁶. Нестабильность, в целом присущая рискованной по своей природе предпринимательской деятельности, особенно в горнозаводской отрасли, оказывала влияние на развитие нового для купцов вида деятельности и порой приводила его к краху. Подспорьем же для заводчиков-дворян при неблагоприятной рыночной конъюнктуре становились, как правило, их более устойчивые оброчные сельскохозяйственные имения, приносившие стабильный доход.

Тем не менее М.П. Губину и Л.И. Расторгуеву удалось справиться с трудностями освоения нового дела: они смогли объединить купленные имения, усилив их общую сырьевую базу, наладить производственные связи между уже действовавшими заводами, дополнить складывавшиеся комплексы новыми доменными или железоделательными предприятиями, привлечь необходимые рабочие кадры. В результате сформировавшиеся Сергинско-Уфалейский и Кыштымский округа оказались достаточно устойчивыми и долговременными хозяйственными объектами.

У Авзяно-Петровских заводов, расположенных на арендованных у башкир землях, не была решена топливная проблема, обострившаяся при наследниках М.П. Губина. Предпринятая Ярцовыми попытка наладить связи между Шайтанскими и Таишевскими заводами не удалась, скорее всего, по причине большой удаленности имений друг от друга и вытекающих отсюда сложностей логистики. Н.Н. Подъячев тоже потерпел неудачу в попытке улучшить организацию производства в своем небольшом хозяйстве из-за отсутствия у него достаточных капиталов. Масштаб финансовых возможностей заводовладельца и его предпринимательский опыт становились главными факторами развития инвестиционного по характеру горнозаводского бизнеса.

Особенно заметные трудности возникали в социальной организации купеческих горнозаводских имений. Вместе с покупкой заводов купцы оказывались в не свойственной им роли владельцев крепостных душ. Как показывают примеры Губиных, Расторгуевых, Ярцовых и Подъячевых, это приводило к казусам, ведущим к обострению социальных отношений на заводах. К дестабилизирующим факторам относились чрезмерная эксплуатация, подрывавшая рабочую силу, или задержки заработной платы, которая была для рабочих основным источником существования. Несвоевременной зачастую оказывалась реакция купцов на динамику хлебных цен, которая влияла на уровень оплаты труда или вызывала повышенные расходы на покупку провианта для населения, которое имело огороды и домашний скот, но не занималось хлебопашеством. Усиливавшаяся социальная напряженность на купеческих заводах выливалась в массовые волнения крепостных (в той или иной степени этого не избежал ни один из представленных родов), которые в свою очередь вызывали вмешательство государства в дела частного управления.

Установление казенного надзора, казенного или опекунского управления, при которых владелец устранился от управления своим имением (в случае с П.Я Харитоновым и Н.Н. Подъячевым это сопровождалось даже ссылкой), введение особых штатов являлись следствием ухудшения положения крепостных рабочих и недостаточной заботы о них неопытных владельцев. Многие из заводчиков-дворян в то время переходили к «попечи-

⁴⁶ Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горнозаводской промышленности Урала // Известия УрГУ. 2004. № 31. С. 83–101; Келлер А.В. The German-Russian Entrepreneur Andreas Knauf In The Urals. The Acsent // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 144–159; и др.

тельской политике» в отношении своих крепостных, которая предполагала достижение относительного баланса интересов владельца и подвластного ему населения. Это было следствием долговременного опыта взаимодействия, имевшегося у дворян и, как правило, отсутствовавшего у купцов.

На представленных примерах отчетливо замечаются также «поколенческие проблемы» в эволюции родов купцов-заводчиков. Если представители первого поколения, решившиеся вступить в горнозаводское предпринимательство, как правило, основательно и ответственно подходили к своим новым обязанностям, то уже во втором-третьем поколениях отношение к ним у владельцев могло существенно измениться.

Так, наследники М.П. Губина показали пример отсутствия постоянного желания заниматься заводскими делами и даже отказались от управления (в случае с К.М. Губиным это, видимо, было связано еще и с душевной болезнью). Три поколения Подъячевых дали зеркальный пример: владельцы активно стремились к личному управлению заводами при отмечаемом наблюдателями отсутствии способностей к этому. Сыновья Зеленцова, видимо, имели склонности и способности к управлению, но в сложившейся ситуации не смогли их реализовать, направив усилия не столько на развитие заводов, сколько на борьбу за их удержание во владении рода. В двух случаях (наследницы Л.И. Расторгуева и И.М. Ярцова) характер владения изменился в связи с переходом имения к дочерям, явно лично не ориентированным на предпринимательскую деятельность. При этом дамы-владелицы, как правило, оформив доверенность, передавали свои полномочия мужьям или близким родственникам, далеко не всегда делая правильный выбор (пример сестер Расторгуевых или А.И. Ушаковой).

Отмеченное явление было характерно и для многих других родов, вступивших в горнозаводское предпринимательство, ранее рассмотренных нами. В отличие от дворян, у купцов это было сопряжено не только с личными предпочтениями или способностями наследников, но и с процессом нобилитации, как уже упоминалось, с XVIII в. охватившим большинство родов заводчиков недворянского происхождения.

Очевидно, что крупный бизнес уже тогда предоставлял благоприятные возможности для этого. В первой половине XIX в. он, в частности, способствовал приобщению владельцев к благотворительности и приобретению посредством ее дворянского звания (примеры П.М. Губина и И.М. Ярцова). Значимым оказывалось даже простое наличие горнозаводских имений в собственности купеческой семьи, что способствовало установлению родства с представителями высшего сословия. Неслучайно все рассмотренные нами купеческие роды именно во время владения уральскими заводами обзавелись родственными связями с дворянскими фамилиями. Это не меняло статуса владений или прав владельцев, но существенно повышало их авторитет, что могло иметь значение при контактах с партнерами или представителями власти, как правило, принадлежавшими к дворянству. Однако нобилитация вела к изменению образа жизни и жизненных стратегий новоявленных дворян, что, в свою очередь, могло привести к пересмотру отношения к предпринимательству, передаче управления в руки крепостных приказчиков при сохранении дистанционного контроля или даже полному отказу от него. Яркими дополнительными примерами тому могут послужить купеческие роды Лугининых и Походяшиных, одворянившиеся еще в конце XVIII в. и именно вследствие этого утратившие свои уральские имения⁴⁷. В изучаемый период не менее показательным был случай с П.М. Губиным.

Все рассмотренные купеческие истории свидетельствуют также о неблагоприятных последствиях «многовладения», при возникновении которого неизбежными становились конфликты между совладельцами. Неочевидные разногласия, скорее всего, стали причиной раздела между братьями Губиными, что облегчалось наличием в их общей собственности двух самостоятельных округов. Конфликт между дочерьми Л.И. Расторгуева, которые делили лишь доли владения одного округа, не мог так же легко разрешиться, как у Губиных,

⁴⁷ См., напр.: Бочкарева Е.С., Неклюдов Е.Г. Формирование Златоустовского горнозаводского округа во владении рода Лугининых (1760–1790-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 20, № 1. С. 33–38.

и на протяжении фактически всего периода владения сотрясал развитие заводов. Дочерям И.М. Ярцова, которые вели наследственные споры, удалось договориться об устроившем всех дележе имущества по прошествии целого десятилетия и при участии государства. Небольшой период совместного владения у Подъячевых тоже сопровождался конфликтом между мачехой и пасынком, разрешившимся лишь с отказом престарелой вдовы от переданных ей прав по завещанию. Отметим, что подобные ситуации чаще были свойственны женскому совладению.

Конфликтные отношения становились основной или дополнительной причиной вынужденного, а зачастую и неоднократного вмешательства государства в дела частного управления, чего не избежал ни один рассмотренный нами купеческий род. В случае же накопления крупных частных и особенно казенных долгов, вызванных несогласованностью совместного управления или другими причинами, следовало даже выставление заводов на продажу с публичных торгов, что зафиксировано в отношении четырех представленных случаев из шести (П.М. Губин, наследники К.М. Губина, Зеленцовы, Подъячевы). Эти факты со всей очевидностью свидетельствуют о неблагополучии, характерном для большинства купеческих практик владения и управления. В целом можно сказать, что горнозаводское предпринимательство купцов на Урале в первой половине XIX в. по сравнению с дворянским отличалось и большим динамизмом, и большей нестабильностью, что нередко приводило к его упадку и даже краху.

Литература

Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: БКИ, 2016. 316 с.

Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1869. 641 с.

Бочкарева Е.С., Неклюдов Е.Г. Формирование Златоустовского горнозаводского округа во владении рода Лугининых (1760–1790-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 20, № 1. С. 33–38.

Келлер А.В. The German-Russian Entrepreneur Andreas Knauf In The Urals. The Ascent // Quaestio Rossica. 2013. № 1. Pp. 144–159.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1858. Т. 2.

Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горнозаводской промышленности Урала // Известия УрГУ. 2004. № 31. С. 83–101.

Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург: УРО РАН, 2011. 274 с.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004. 600 с.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводладельцы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 366 с.

Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики / авт.-сост. Е.Г. Неклюдов, Е.Ю. Рукосуев, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк. Екатеринбург: УРО РАН, 2013. 128 с.

Рабочее движение в России в XIX в.: в 4 т. Т. 1: 1800–1860. Волнения крепостных и вольнонаемных рабочих: сб. док. и материалов / под ред. А.М. Панкратовой. М.: Госполитиздат, 1951. 1040 с.

Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.

Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М.: Наука, 1999. 419 с.

References

(2016). *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian Imperial Modernization (18th – Early 20th Century): Regional Dimension]. Yekaterinburg, BKI. 316 p.

Bezobrazov, V.P. (1869). *Ural'skoe gornoe khozyaystvo i vopros o prodazhe kazennykh gornykh zavodov* [Ural Mining and the Issue of The Sale of State-Owned Mining Plants]. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K^o. 641 p.

Bochkareva, E.S., Neklyudov, E.G. (2019) Formirovanie Zlatoustovskogo gotnozavodskogo okruga vo vladenii roda Lugininykh (1760–1790-e gg.) [Formation of the Zlatoust Mining District in the Possession of the Luginin Family (1760–1790s)]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 20, No. 1, pp. 33–38.

Keller, A.V. (2013). The German-Russian Entrepreneur Andreas Knauf in the Urals. The Accent. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 144–159.

Mamin-Sibiryak, D.N. (1958). *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Sobr. Cit.: In 10 vols.]. Moscow, Pravda. Vol. 2.

Neklyudov, E.G. (2004). Kupets A.A. Knauf i ego kreditory: pervyy opyt inostrannogo predprinimatel'stva v gornozavodskoy promyshlennosti Urala [Knauf and His Creditors: The First Experience of Foreign Entrepreneurship in the Mining Industry of the Urals]. In *Izvestiya UrGU*. No. 31, pp. 83–101.

Neklyudov, E.G. (2011). *Possessionnoe pravo v istorii ural'skoy gornozavodskoy promyshlennosti XIX – nachala XX v.* [Possession Law in the History of the Ural Mining Industry in the 19th – Early 20th Centuries]. Yekaterinburg, URO RAN. 274 p.

Neklyudov, E.G. (2004). *Ural'skie zavodchiki v pervoy polovine XIX v.: vladel'tsy i vladeniya* [Ural Factory Owners in the First Half of the 19th Century: Owners and Possessions]. Nizhniy Tagil, Izd-vo NTGSPA. 600 p.

Pavlenko, N.I. (1962). *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII v.: zavody i zavodovladel'tsy* [History of Metallurgy in Russia in the 18th Century: Factories and Plant Owners]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 366 p.

Neklyudov, E.G., Rukosuev, E.Yu., Kurlaev, E.A., Mikityuk, V.P. (Eds.). (2013). *Predprinimateli Urala XVII – nachala XX v. Spravochnik. Vol. 1. Ural'skie gornozavodchiki* [Entrepreneurs of the Urals in the 17th – Early 20th Centuries. Directory. Iss. 1. Ural Mining Breeders]. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 128 p.

Pankratova, A.M. (Ed.). (1951). *Raboochee dvizhenie v Rossii v XIX v.: v 4 t. T. 1: 1800–1860. Volneniya krepostnykh i vol'nonaemnykh rabochikh: sb. dok. i materialov* [The Labor Movement in Russia in the 19th Century: in 4 Vols T. 1: 1800–1860. Unrest of Serfs and Civilian Workers: Sat. Doc. and Materials]. Moscow, Gospolitizdat. 1040 p.

Ulianova, G.N. (2021). *Kupchiki, dvoryanki, magnatki: Zhenshchiny-predprinimatel'nitsy v Rossii XIX v.* [Merchants, Noblewomen, Magnates: Women Entrepreneurs in Russia in the 19th Century]. Moscow, New Literary Review. 352 p.

Khoruzhenko, O.I. (1999). *Dvoryanskie diplomy XVIII v. v Rossii* [Noble Diplomas of the 18th Century in Russia]. Moscow, Nauka. 419 p.